

УДК 02.41

А. Д. Майданский

(д.филос.наук, профессор)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(г. Белгород, Российская Федерация)E-mail: caute@nm.ru**ГОСУДАРСТВО И НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ**

Аннотация. *Исследуется проблема «отмирания» государства, с которой связан главный просчёт классического марксизма. Почему трансформация государства в самоуправляемую коммуны оказалась утопией? Автор приходит к выводу, что причиной тому является объективный исторический процесс углубления разделения труда. Существование социальных машин государства и рынка обусловлено необходимостью агрегации специализированных работников (а также секторов экономики и целых регионов мира), каждый из которых занят частным трудом. Научная революция же создаёт, во-первых, условия для снятия разделения труда, заменяя абстрактный человеческий труд действием безличных сил природы, управляемых при помощи ЭВМ, а во-вторых – децентрализованные, «сетевые» формы кооперации труда и «коммунальной» собственности, автоматизирующие функцию агрегации индивидов, выполняемую государством. Тем самым научная революция исторически ведёт к реальному «отмиранию» государства, в то время как политические революции, независимо от воли и желания их творцов, всегда приводили к его гипертрофии.*

Ключевые слова: государство, политическая революция, научная революция, ассоциация индивидов, разделение труда, знание, марксизм.

Сто лет тому назад, в августовские дни 1917 года, Ленин приступил к написанию «Государства и революции». Все думы его были о революции *политической* – о пролетарской диктатуре и построении мировой коммуны без рынка и государства. Уже через два месяца партии Ленина удалось захватить власть. Дальше, однако, дела пошли наперекосяк: мировая революция не случилась, а вместо самоуправляемой коммуны построилась «сверхдержава». Не о том мечтал учитель Ленина – Маркс, да и сам Ленин ничего подобного не планировал и не предсказывал.

В следующие семьдесят лет «научные коммунисты» сочинят тысячу и одно объяснение этого фатального расхождения между реальным ходом истории и – теорией, «вылитой из одного куска стали» (Ленин). Факт же состоит в том, что государство так и не начало «отмирать». Наоборот, пролетарские революции, все до единой, приводили к колоссальной гипертрофии государства. Положение об отмирании государства – главный просчёт классического марксизма, его ахиллесова пята. Может ли вообще государство «отмереть» и, если – да, то что для этого требуется?

Классический марксизм усматривал в государстве орудие классового господства. Действительно, в течение всей предшествующей истории – во всяком случае, той части истории, что известна нам более или менее достоверно, – государство было машиной, при помощи которой одни классы общества эксплуатировали других.

Если принять эту функцию классового господства за *сущность* государства, логично предположить, что с устранением «антагонистических» классов исчезнет и государство. Как только пролетариат расправится с буржуазией, государство, за

полной ненужностью, начнёт отмирать, предрекали отцы «научного коммунизма». Управленческие функции государства перейдут к трудящимся, а политические испарятся как дым. Свершив свой первый и последний «самостоятельный акт» — экспроприацию средств производства, — пролетарское государство делается излишним и «уснёт само собою», предрекал Энгельс.

Анархисты требовали *уничтожения государства* — «искоренения всякой государственности» (Бакунин). В отличие от анархистов, Энгельс толковал об *отмирании государства* (Auflösung — разложение, растворение), поскольку без концентрации политической власти в руках пролетариев невозможно подавить сопротивление эксплуататорских классов. Однако и он всегда подчёркивал, что ни о каком «народном государстве» (der Volksstaat) для марксиста не может идти и речи!

«Народным государством», — писал он Бебелю в 1875 году, — анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем «Коммунистический манифест» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собой распускается [sich auflöst — отмирает, растворяется] и исчезает [verschwindet]» [3, т. 34, с. 103].

Если исторически этого не случилось, значит — тому должны быть *объективные, естественноисторические* причины, делающие исчезновение государства в нашу эпоху попросту невозможным, вопреки стремлению Ленина делегировать функцию управления государством всем членам общества, «каждой кухарке».

Богатый на эксперименты XX век, однако, не явил миру ни одного успешного опыта *негосударственного*, прямого народовластия. Революционным (пост)марксистам приходится выискивать самоуправляемую коммуну и «абсолютную демократию» с микроскопом, где-нибудь «в рабочих кварталах Милана 70-х годов» (Антонио Негри).

Самое большее, чего удалось добиться социалистам XX века, — это построить то самое «народное государство», der Volksstaat, которое всей душой презирали основоположники марксизма. «Народное государство» выдавалось за *реальный социализм* и освящалось именем Маркса. Одни усматривали реальный социализм в Советском Союзе и его сателлитах, другие — в Швеции, Австрии и прочих преуспевающих западных странах, в которых государство ориентировано на идеал «справедливого», т.е. несколько более равномерного, распределения общественных благ.

Так или иначе, «отмирание государства» давно уже перестало быть практически-политическим лозунгом и превратилось в чистую идеологию — программную декларацию, наподобие «вечного мира» на вывеске голландского трактира рядом с изображением кладбища (Кант).

Тем временем, как раз тогда, когда Маркс сочинял свой проект «диктатуры пролетариата», начиналась великая революция, обещавшая перековать все общественные отношения глубже, радикальнее, чем это случалось когда-либо во всей прежней истории человечества. Революция научная и техническая.

От самого Маркса мы знаем, что общественные отношения произведены людьми, и что отношения эти определяются характером орудий и технологий труда, или, в его собственной терминологии, уровнем развития «производительных сил». — «Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, — они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница даёт вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом» [3, т. 4, с. 133].

В таком случае у современного марксиста сам собой напрашивается вопрос: какое же общество даёт нам *компьютеризованная мельница*? Иначе говоря – как изменяет общественные отношения электронная вычислительная машина?

Теоретический ответ на этот вопрос невозможно получить методом обобщения каких-либо опытных, фактически-исторических данных. Ведь цифровая техника находится покамест в начальном периоде своего развития. Судить о нарождающейся общественной формации, ориентируясь на нынешний исторический уровень производительных сил, – всё равно что, препарируя семечку, угадывать контуры тыквы или подсолнуха. К тому же общественные отношения меняются куда медленнее, нежели технологии и орудия труда. Феодализм и капитализм возникли отнюдь не на следующий день после изобретения средств производства нового типа.

Означает ли это, что мы сегодня понятия не можем иметь о том, какое именно общество возникнет, столетия спустя, из «семечки» ЭВМ? Подобный вывод был бы ошибочным. Нам, разумеется, неведом *фенотип* нового общества – гадания на эту тему оставим фантастам и футурологам, – но мы вполне можем определить его *генотипические* черты.

Для этого требуется исследовать элементарную «клеточку» нового общества, а затем посмотреть, какие общественные отношения ей адекватны – необходимы для того, чтобы эта «клеточка» развила из себя весь заключённый в её технологическом «геноме» потенциал.

Именно так действовал и сам Маркс в «Капитале». «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, – писал он, выступает как "огромное скопление товаров", а отдельный товар – как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара» [3, т. 23, с. 43].

Товар – это сгусток абстрактного труда. В его простом понятии заключается *in nuce*¹ всё многообразие общественных отношений капиталистической общественной формации. Буржуазное общество вырастает из простейшего отношения обмена товаров и распространяет товарные отношения на всё вокруг.

Ну а что насчёт следующей, новой формации? Сегодня уже не надо быть Марксом, чтобы увидеть, что в основе её будет лежать *знание*.

«Богатство коммунистического общества выступает как огромное скопление *знаний, идей*, а отдельная идея – как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом идеи», – так, по аналогии с «Капиталом», можно было бы начать книгу о высшей экономической формации человеческой истории.

Идея есть сгусток конкретного труда – умственного, или, в терминах Маркса, «всеобщего труда». В её простом понятии должно, стало быть, содержаться *in nuce* всё многообразие общественных отношений новой, коммунистической формации. Место капитала как «самовозрастающей стоимости» в коммунистическом обществе займет *самовозрастающее знание – наука*².

Процесс производства превратится в «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку» [3, т. 46, ч. II, с. 221]. Благодаря

¹ *Лат.*: «в орехе», т.е. в неразвитой, зачаточной форме.

² Экономические особенности, в том числе и товарные свойства знаний – весьма и весьма необычные, надо сказать, – я исследовал в другой работе. См.: [2]. Не стану поэтому повторяться и отступать в сторону от основной темы – «отмирания» государства.

чему производительность общественного труда возрастает сразу на порядки. Для марксиста это – решающий показатель общественного прогресса.

«Производительность труда, – настаивал Ленин, – это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побеждён и будет окончательно побеждён тем, что социализм создаёт новую, гораздо более высокую производительность труда» [1, т. 39, с. 21].

Расчёт Ленина бил на то, что централизация производства, единый хозяйственный план и энтузиазм рабочих масс позволят в короткий срок одержать убедительную победу над анархичной, подверженной циклическим кризисам и раздираемой классовыми конфликтами экономикой капиталистической формации.

Довольно скоро, однако, выяснилось, что этот расчёт был в корне ошибочным. Преимущества капитализма в части мотивации и самостоятельности перевесили. Государственный социализм – или «народное государство», как его называли во времена Маркса, – оказался неспособен добиться более высокой производительности общественного труда. В этом, и ни в чём ином, кроется главная, точнее говоря – сущностная, причина краха «социалистического лагеря». Всё прочее – исторические детали, обстоятельства, которые могли быть такими или другими, но не могли изменить логику истории и обеспечить победу государственного социализма.

В принципе, у самого Маркса можно найти ответ на вопрос, почему капитализм до сих пор продолжает существовать и здравствовать, выходя окрепшим из каждого нового кризиса, вопреки всем апокалиптическим предсказаниям левых политиков и теоретиков.

«Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора» [3, т. 13, с. 7], – писал Маркс. В таком случае, спрашивается, мог ли капитализм погибнуть в середине XIX века, когда Маркс писал эти строки и грезил о мировой революции? А в XX веке – что, разве возможности роста буржуазных производительных сил были исчерпаны? Нет, напротив, никогда прежде человечество не знало таких темпов технологического, и вообще экономического, роста. Продолжается этот рост и по сей день. Отсюда диагноз: капитализм ещё далек от своей кончины. Таков прямой вывод из собственных основоположений теории истории Маркса.

В передовых капиталистических странах не было пролетарских революций, и не предвидятся – уже по той простой причине, что численность классического пролетариата (лишённых средств производства работников, которым «нечего терять, кроме своих цепей») в этих странах всё время снижается. Видя это, неомарксисты радикально модернизируют понятие пролетариата, включая в него кого попало: от наёмных юристов и программистов, инженеров и менеджеров предприятий – до студентов и домохозяек. Так возникает, например, знаменитое понятие *множества*, «как совокупности тех, кто трудится под властью капитала, то есть – потенциально как класса, отвергающего капиталистическую власть» (Антонио Негри и Майкл Хардт [4, с. 136-137]).

Почему же Маркс полагал, что отношения капиталистической частной собственности уже полтора столетия тому назад не давали «достаточно простора» для дальнейшего развития производительных сил? Простой и ясный ответ мы можем найти в «Капитале»: «Централизация средств производства и обобществление тру-

да достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается» [3, т. 23, с. 773]. Капиталистическая частная собственность к настоящему времени (напомню, что эти строки писались Марксом в 1867 году) «уже основывается на *общественном* процессе производства», в то время как отношения собственности всё ещё остаются *частными*. Экспроприация экспроприаторов попросту восстановит соответствие отношений собственности коллективному характеру производительных сил.

Авторы «Манифеста коммунистической партии» представляли себе экспроприацию как достаточно длительный исторический процесс, начинающийся с огосударствления земли и крупных предприятий, транспортной инфраструктуры и финансовой системы, а завершающейся полной ликвидацией частной собственности поколение спустя – вследствие отмены права наследования. Этот процесс нигде в мире не был доведён до конца. Но главное было сделано: установлена «исключительная монополия» государства на средства производства (за исключением некоторых индивидуальных орудий труда).

Такое государственное «обобществление» собственности, по замыслу Маркса и Энгельса, должно окончиться её переходом в руки «ассоциированных индивидов» (*der assoziierten Individuen*). «Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и всё производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. ... На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [3, т. 4, с. 447].

Итак, государство перестанет существовать как политический институт и превратится в *ассоциацию индивидов*, коллегиально управляющих общественным производством. Термин этот Маркс позаимствовал у экономистов Сисмонди и Шербюлье, противопоставлявших ассоциацию индивидов – ассоциации капиталов (*франц.: association des individus vs. association des capitaux*).

Трансформация государства в самоуправляемую коммуну, по крайней мере на достигнутом уровне развития производительных сил, оказалась утопией. Почему же? Причина, на мой взгляд, заключается в *разделении труда*. Государство и рынок суть машины агрегации специализированных работников, секторов экономики и целых регионов мира. При помощи этих двух древних мегамашин устанавливаются относительно прочные и регулярные взаимосвязи между «профессионалами», каждый из которых занят своим делом – *частным трудом*. Эта простая истина была показана ещё в платоновском «Государстве».

Стало быть, пока существует частный труд – «абстрактный труд», измеряемый затратами рабочего времени, – ни о каком «свободном развитии каждого» не может быть и речи. Частному труду соответствует частная же собственность на условия и продукты труда. Установление *реальной* (а не формально-юридической, государственной) общественной собственности в мире разделённого, частного труда невозможно. Это – чистой воды утопия.

Пленниками этой старой утопии оказались и Маркс с Энгельсом, и Ленин, и прочие «научные коммунисты». Они воображали себе жизнь без рынка и государства в эпоху всё углубляющегося разделения труда. Что же будет связывать частных производителей вместо рынка и государства? Обойтись в этом деле без специальных машин-институтов – затея столь же утопическая, как передвижение египетских пирамид силой воли и мысли «ассоциированных индивидов».

Государство «отомрёт» не раньше, чем исчерпает себя общественное разделение труда и исчезнет всякий частный труд. Вот тут-то отмиранию государства и должна способствовать научная революция, создающая новую, цифровую технику и технологии.

Духовный труд вообще, и труд учёного в особенности, в «обобществлении» не нуждается. Это по природе своей *труд конкретный и всеобщий*, как и сам человеческий «дух» (читай: культура). Частным, «парцеллярным» духовный труд не бывает. Его продукты – знания, идеи – неотчуждаемы от их владельцев, а граница между «моим» и «чужим» тут чисто символическая. Характер усвоения и «присвоения» знаний диктуется исключительно личной потребностью и не ограничен ничем, кроме способности индивида поглощать и переваривать знания. В науке всегда, во все времена действовал коммунистический принцип «от каждого по способности, каждому – по потребности».

Это и есть «научный коммунизм» в прямом смысле слова – общность умов в мире идей. Научное сообщество, эта «республика учёных», всегда была и будет *коммуной*, или «ассоциацией, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Когда в процессе общественного производства научная революция устранил, сведёт на нет частный, абстрактный труд, заменив его действием безличных сил природы, управляемых при помощи ЭВМ, – лишь тогда исчезнет необходимость в машинах государства и рынка. Они попросту останутся без работы: некого будет связывать. Разделение труда – на духовный и физический, прежде всего, – порождает рынок и государство, и с устранением разделения труда надобность в этих машинах отпадает.

Электронные вычислительные машины в принципе способны управлять любой чисто физической работой, осуществлять любые рутинные функции, которые в мире разделённого труда выполнялись людьми. Рано или поздно развитие цифровых технологий приведёт к тому, что духовный труд – интеллектуальное и художественное творчество – останется единственным уделом человека. В таком мире нет места для частной собственности – в ней нет для общества никакой пользы или нужды. А создаётся этот мир только и исключительно научно-технической революцией. Политические же революции и диктатуры скорее мешают его создавать.

Сегодня мы можем лишь пытаться угадывать, как конкретно будет устроено это общество будущего (тем более что его структура наверняка будет претерпевать существенные изменения в ходе всемирной истории). Однако смело можно утверждать, что электронно-вычислительная техника есть и будет главным двигателем экономического прогресса. Эта техника не только на порядки умножает производительную силу любых других машин и открывает принципиально новые, грандиозные возможности овладения силами природы. Она ещё и позволяет каждому индивиду напрямую, минуя сверхличные институты-посредники – рынок и государство, участвовать в общественном производстве и делать доступным продукт своего труда для всех заинтересованных лиц, для общества в целом.

Так складываются децентрализованные, «сетевые» формы кооперации труда и «коммунальной» собственности. Фактически они выполняют ту же самую функцию агрегации индивидов, что и государство, но только делают это *автоматически*. По всей видимости, они и придут на смену государству – но это случится, повторюсь, не ранее, чем научная революция ликвидирует разделение труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, 5-е изд., в 55-ти томах. М.: Издательство политической литературы, 1967-1975.
2. Майданский А. Д. Векторы и контуры общества знаний // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – М., 2005. – № 2. – С. 4-12.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд., в 50-ти томах. – М.: Политиздат, 1955-1981.
4. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. – М.: Культурная революция, 2006.

A. D. Maidansky

(Ph.D., Professor)

Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

E-mail: caute@nm.ru

THE STATE AND SCIENTIFIC REVOLUTION

Annotation. *The author investigates the problem of the “withering away” of the state, with which the main mistake of classical Marxism is connected. Why the transformation of the state into a self-governing commune has turned out to be a utopia? The author comes to the conclusion that the reason for that was the objective historical process of deepening the division of labour. The existence of social machines of the state and the market is conditioned by the need for aggregation of specialized workers (and also sectors of the economy and entire regions of the world), each of which is engaged in private labour. The scientific revolution, on the one hand, creates conditions for the removal of the division of labour, replacing abstract human labour with the impersonal forces of nature controlled by computers; and secondly, it creates the decentralized, “network” forms of cooperation of labour and “communal” property, automating that function of aggregation of individuals, which is performed by the state. Thus, the scientific revolution historically leads to a real “withering away” of the state, while political revolutions, regardless of the will and desire of their leaders, have always led to the hypertrophy of the state.*

Key words: state, political revolution, scientific revolution, associated individuals, division of labour, knowledge, Marxism.

Поступила в редакцию 15 октября 2017 г.